

БРАТСТВО НАРОДОВ— БРАТСТВО ЛИТЕРАТУР

СТЕНОГРАММА ТВОРЧЕСКИХ ОБСУЖДЕНИЙ
В ДНИ ВСЕСОЮЗНОГО ФЕСТИВАЛЯ СОВЕТСКОЙ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В УЗБЕКИСТАНЕ
(Самарканд, Фергана, 20—25 сентября 1982 г.)

ТАШКЕНТ
Издательство
литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1984

83.3(2)
Б 87

Редколлегия: С. А. Азимов, Ю. Н. Верченко,
Д. Д. Джаббаров, С. М. Мадалиев, Ю. И. Суrowцев,
В. А. Уваров, О. И. Усманов, А. Н. Чепуров,
П. Ш. Шермухамедов

Редакторы: Т. А. Бек, Г. Э. Великовская

Братство народов — братство литератур: Стенограмма творческих обсуждений в дни Всесоюзного фестиваля советской многонациональной литературы в Узбекистане. (Самарканд. Фергана, 20—25 сент. 1982 г.) / [Редкол.: С. А. Азимов и др.].— Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984.—256 с.

20—25 сентября в Узбекистане проходил Всесоюзный фестиваль советской многонациональной литературы. Книга знакомит со стенограммой творческих обсуждений, проходивших в дни фестиваля в Самарканде и Фергане.

4603010102—40
М 352 (04)—84

159—84

ББК 83.3(3)
8РС

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1984 г

но-Франковщины, успешная экспериментальная и практическая деятельность Всесоюзного института риса на Кубани, чуткое и умное отношение к культурно-историческому наследию в Аникищайском районе Литвы, уроки организации агропромышленного комплекса в Талсинском районе Латвии, прекрасная постановка дела отдыха и лечения трудящихся в санатории «Чимсион» в Ферганской области. Разнообразие интересов проистекает от желания включиться в жизнь всей нашей страны и одновременно почерпнуть что-либо новое и полезное для своей республики в целом, и в частности для села Марткопи Гардабанского района Грузии, к которому я прикреплен Союзом писателей для оказания помощи в социально-культурном развитии и в котором живут и трудятся будущие герои моих новых книг.

Я убежден, что без этого «двойного» интереса нет и не может быть советского писателя в том смысле, о котором я говорил в начале своего выступления.

г. Тбилиси

Александр Шкляев

КАК ЧАСТЬ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ...

Имея в виду проявляющиеся в 20-е гг. пролеткультовские тенденции к снижению культуры, «принесение высших ее форм в жертву элементарным ее задачам»¹, А. Луначарский призывал «во многоэтажном нашем культурном здании» создать «громадную пирамиду организованного познания»², но «пирамиду такого свойства, что в ней отнюдь верхние этажи не опираются просто на нижние, а нижние в то же время висят на верхних»³. Это «пирамида», по мнению А. Луначарского, должна представлять собой такую «взаимосвязанную систему», в которой все эти этажи активно воздействуют и все вносят свой вклад в общее дело социального и эстетического познания, и все из них важны и значимы⁴. А. Луначарский, размышляя о создании литературы, уходящей корнями в толщу широких трудящихся масс, заботился

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч. в 8 т., т. 2, М., 1964; с. 657.

² Там же, с. 430, 560.

³ Там же, с. 657.

⁴ Там же.

о том, чтобы она, проявляясь в разных формах, не стала узкоцеховой или узконациональной, а была «художественной автобиографией человечества», проникнутой одной целеустремленностью, единым общечеловеческим содержанием и «доступной в возможно большем количестве ее образцов всякому человеку труда»¹.

Удмуртская литература! — одна из этих литератур — в большей своей части на первых порах носила полуфольклорный и подражательный характер, но сила ее была в том, что в своих лучших образцах она уже была проникнута революционным пафосом и интернационалистским духом. Это революционная устремленность и интернационалистский дух ее были обусловлены прежде всего тем, что сама она, литература, создавалась людьми, принимавшими непосредственное участие в революционной борьбе, по существу первыми грамотными удмуртами, то есть первыми читателями. Среди зачинателей этой литературы были Д. Майоров, бывший батрак, в 1912 г. покинувший свою деревню и в поисках работы оказавшийся в городе Коканде, где среди рабочих железнодорожных мастерских он прошел первую школу революционной борьбы; М. Прокопьев, представитель удмуртов в Наркомате, первый переводчик на удмуртский язык «Интернационала»; К. Митрей, в годы гражданской войны сражавшийся в рядах сибирских партизан; И. Дядюков, боец Чапаевской дивизии; К. Герд, учитель, проводивший огромную культурно-просветительную работу в глухих уголках Вятской губернии. Эти первые писатели, по существу первые грамотные удмурты, первые читатели, смогли передать свой живой опыт, свое отношение к революции через образы, навеянные своим национальным фольклором или стихами А. Пушкина, А. Кольцова, Н. Некрасова, Д. Бедного, С. Есенина, Я. Купалы и других. Удивительно то, что молодая литература, по существу, находившаяся еще в колыбели фольклора, сразу смогла выйти на самые широкие связи с русской и другими литературами. Уже в 20—30-е гг. удмуртская литература растила своего читателя и сама обретала новые формы, обращаясь к переводу лучших произведений советской многонациональной литературы. На удмуртский язык тогда были переведены «Разгром» А. Фадеева, «Поднятая целина» М. Шолохова, стихи Маяковского, Джамбула, Лахути и других.

¹ А. В. Луначарский. Собр. соч., в 8 т., т. 7, М., 1966, с. 273.

Они становились факторами формирования удмуртской литературы и ее читателей. И вскоре в самой удмуртской литературе появляются крупномасштабные произведения — романы, дилогии, трилогии, которые пользуются большим успехом у читателя. Несущие на себе печать очерковости, хроники, они нравились читателю тем, что жизнь в них показывалась в ее исторической протяженности, панорамности, в ее непреложных закономерностях. Они говорили своему читателю, что жизнь исторична, что есть путь народа, судьба человека. Учитывая возросшие духовные потребности своего читателя, пробуждающегося к общественно-политической жизни, литература брала на себя функции народоведения.

Все это, естественно, находило благодарный отклик у читателя. Он писал письма герою романа П. Блинова «Жить хочется», еще простодушно полагая, что герои романа — это реальные люди с конкретным адресом проживания, а не художественные типы. Читатели фронтовых очерков М. Лямина, составивших потом повесть-хронику «Четыре года в шинелях», собирались в удмуртских деревнях на митинги, на которых брали на себя дополнительные обязательства по помощи фронту.

Читатель теперь неизмеримо вырос. То, что несколько десятков лет назад имело всенародный успех, например, «Жить хочется» П. Блинова или исторический роман о пугачевском восстании «Гаян» М. Коновалова, переходит в библиотеку школьника, а очерки М. Лямина кажутся теперь просто корреспонденциями и репортажами. Но, оглядываясь на пройденный путь, работая над созданием истории литературы, нельзя забывать и отдавать от нее то, что относится к взаимоотношениям литературы и читателя. П. Блинов в 1942 г. ушел добровольцем на фронт, ссылаясь на то, что герой его в конце романа, изданного еще в 1940 г., ушел в Красную Армию, и что сейчас он непременно находится на фронте, а читатель ждет второй книги романа. «О чем же я буду писать,— сказал своим товарищам П. Блинов,— если я не буду сейчас рядом со своим героем». П. Блинов погиб под Калугой и лежит в братской могиле, может быть, рядом со своими читателями. Рукопись книги М. Лямина была пробита осколком мины. Автор назвал ее первоначально «Сквозь огонь», и еще до ее выхода однополчанин писателя старшина А. Никитин, впоследствии тоже ставший писателем, написал в дивизионной газете рецензию на рукопись, а после выхода книги на удмуртском

языке, командир дивизии перед строем объявил М. Лямину благодарность.

Читатель сегодня не пишет письма героям, но пишет их писателю, в издательство, в газету, журнал. Уже в 60-е г. автору повести «Люблю тебя» С. Самсонову писали письма с просьбой, чтобы он помог прислать в колхоз такого зоотехника, какого он изобразил.

Все эти факты, свидетельствующие о влиянии книги, принадлежат истории читателя и, собранные вместе во всесоюзном масштабе, могли бы составить такую же уникальную книгу о читателе как «Крастьяне о писателях» А. Топорова.

Как же обстоит дело сегодня с социологическим аспектом?

По данным этносоциологического исследования, проведенного в Удмуртии в 1968 г. Институтом этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством В. В. Пименова, 35,8% сельского удмуртского населения и 66% горожан читало советскую художественную литературу¹, а в 1979—1980 гг., как показывают аналогичные исследования, проведенные Удмуртским научно-исследовательским институтом экономики, истории, языка и литературы под руководством Л. Христюловой, число читающих от общего количества удмуртского сельского населения выросло до 58,9%. В репертуаре их чтения первое место занимают книги русских советских писателей, на втором — удмуртских писателей². Причем ясно, что книги русских советских писателей читаются в оригинале, ибо на удмуртский язык они сейчас практически не переводятся в силу свободного двуязычия удмуртского читателя. Естественно, читатель, хорошо осведомленный о художественных ценностях русской литературы, соответствующие требования предъявляет к своей национальной литературе. Это накладывает особую ответственность на удмуртских писателей. В. В. Пименов в своей монографии «Удмурты» делает, например, и такие важные выводы, «что читательский потенциал в республике далеко не исчерпан», «что читатель ждет от удмуртских писателей книг, в которых и тематика, и под-

¹ В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., «Наука», 1977, с. 186.

² Л. С. Христюлова. Отчет об этносоциологическом исследовании сектора этнографии Ученому Совету Удмуртского научно-исследовательского института. Рукопись хранится в этом же институте. Ижевск.

нимаемые проблемы соответствовали бы, в частности, культурному уровню и запросам горожан»¹.

г. Ижевск

Варлен Бечик

КРЕПИТЬ СВЯЗЬ С ЖИЗНЬЮ

В замечательной Фергане, где нам так легко дышится и хорошо думается, разговор о многонациональной советской литературе ведется в явственно ощущаемой атмосфере красивого, созидательного и творчески открытого труда тружеников солнечного Узбекистана, в атмосфере радушия и гостеприимства. Здесь еще более проникаешься чувством интернационального братства, нерушимой дружбы народов Советского Союза. Еще полнее и глубже ощущаешь единство ярких, неповторимых братских литератур, их широкие и многосторонние взаимосвязи, приобщенность к жизни всей нашей великой социалистической Родины.

Интернационализм, одно из важнейших качеств советской литературы, постоянно действующий, все более интенсивно проявляющийся фактор современного литературного процесса. Им во многом определяются тематика и проблематика произведений, духовно-нравственный облик и внутренний мир героев, направления творческого поиска. Идеино-художественный уровень произведений каждой отдельной литературы во многом зависит от общих наших достижений. Поэтому и читательский интерес к братским литературам обрел за последние десятилетия новое качество. Чтение лучших украинских, киргизских, узбекских, литовских или латышских авторов, писателей всех советских народов стало такой же насущной необходимостью для нашего читателя, как и чтение своих национальных мастеров слова.

Особая роль принадлежит русскому языку как важнейшему средству межнационального общения. Белорусский читатель, например, благодаря языковой близости имеет возможность читать национальных авторов на русском языке как на своем родном. Замечательная возможность. Все больше читателей обретают ее и в дру-

¹ В. В. Пименов. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., «Наука», 1977, с. 186.